

Штопальщик — эпизод 2 из 6

Помещение и хозяин оказались в действительности выше всех сделанных им похвал и описаний, так что я сразу же почувствовал себя здесь как дома и скоро полюбил моего доброго хозяина Василья Коныча. Скоро мы с ним стали сходиться пить чай, начали беседовать о разнообразных предметах. Таким образом, раз, сидя за чаем на балкончике, мы завели речи на царственные темы Когелета о суеде всего, что есть пол солнцем, и о нашей неустанной склонности работать всякой суеде. Тут и договорились до Лепутана.

Не помню, как именно это случилось, но только дошло до того, что Василий Коныч пожелал рассказать мне странную историю: как и по какой причине он явился под французским заглавием.

Это имеет маленькое отношение к общественным нравам и к литературе, хотя писано на вывеске.

Коныч начал просто, но очень интересно.

Моя фамилия, сударь, сказал он, вовсе не Лепутан, а иначе, а под французское заглавие меня поместила сама судьба.

Я природный, коренной москвич, из беднейшего звания. Дедушка наш у Рогожской заставы стелечки для древлестепенных староверов продавал. Отличный был старичок, как святой, весь седенький, будто подлинный зайчик, а все до самой смерти своими трудами питался: купит, бывало, войлочек, нарежет его на кусочки по подошвке, смечет парочками на нитку и ходит по христианам, а сам поет ласково: Стелечки, стелечки, кому надо стелечки? Так, бывало, по всей Москве ходит и на один грош у него всего товару, а кормится. Отец мой был портной по древнему фасону. Для самых законных староверов рабские кафташки шил с тремя сборочками и меня к своему мастерству выучил. Но у меня с детства особенное дарование было штопать. Крою не фасонисто, но штопать у меня первая охота. Так я к этому приспособился, что, бывало, где угодно на самом видном месте подштопаю и очень трудно заметить.

Старики отцу говорили:

Это мальцу от бога талант дан, а где талант, там и счастье будет.

Так и вышло; но до всякого счастья надо, знаете, покорное терпение, и мне тоже даны были два немалые испытания: во-первых, родители мои померли, оставив меня в очень молодых годах, а во-вторых, квартира, где я жил, сгорела ночью на самое рождество, когда я был в божьем храме у заутрени, и там погорело все мое заведение, и уют, и колодка, и чужие вещи, которые

были взяты для штопки. Очутился я тогда в большом злострадании, но отсюда же и начался первый шаг к моему счастью.

Один давалец, у которого при моем разорении сгорела у меня крытая шуба, пришел и говорит:

Потеря моя большая, и к самому празднику неприятно остаться без шубы, но я вижу, что взять с тебя нечего, а надо еще тебе помочь. Если ты путный парень, так я тебя на хороший путь выведу, с тем однако, что ты мне со временем долг отдашь.

Я отвечаю:

Если бы только бог позволил, то с большим моим удовольствием отдать долг почитаю за первую обязанность.

Он велел мне одеться и привел в гостиницу напротив главнокомандующего дома к подбуфетчику, и сказывает ему при мне:

Вот, говорит, тот самый подмастерье, который, я вам говорил, что для вашей коммерции может быть очень способный.

Коммерция их была такая, чтобы разутюживать приезжающим всякое платье, которое приедет в чемоданах замывшись, и всякую починку делать, где какая потребуется.

Подбуфетчик дал мне на пробу одну штуку сделать, увидал, что исполняю хорошо, и приказал оставаться.

Теперь, говорит, Христов праздник и господ много наехало, и все пьют-гуляют, а впереди еще Новый год и Крещение, безобразия будет еще больше, оставайся.

Я отвечаю:

Согласен.

А тот, что меня привел, говорит:

Ну, смотри, действуй, здесь нажать можно. А только его (то есть подбуфетчика) слушай, как пастыря. Бог пристанет и пастыря приставит.

Отвели мне в заднем коридоре маленький уголочек при окошечке, и пошел я действовать.